

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'33

doi: 10.26907/2541-7738.2022.5.59-73

РАДИКАЛИЗОВАННЫЙ ДИСКУРС: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА, ОСОБЕННОСТИ

Е.С. Палеха

Институт педагогики, психологии и социальных проблем, г. Казань, 420039, Россия

Аннотация

Статья посвящена проблеме проявления речевой агрессии и языкового терроризма в средствах массовой информации и коммуникации в виде системно формирующегося радикализованного дискурса. Цель статьи – выявить коммуникативный потенциал и речевое наполнение текстов радикализованного дискурса. Приведены примеры текстов, моделирующих концепт «Радикализация» и используемых массовой культурой или конкретными авторами в качестве средства речевого воздействия на адресата и средства эскалации социального конфликта, примеры сетевого радикализованного дискурса. Выделены типы такого дискурса – криминогенный и некриминогенный, тексты горизонтальной реакции и тексты вертикального целенаправленного воздействия. Предпринята попытка анализа когнитивно-психологических и коммуникативно-социальных явлений через уровень языковых трансформаций. Важная особенность исследования – теоретические обобщения: дано авторское определение радикализованному дискурсу, представлены его сущностные, функциональные и структурные характеристики. Результаты исследования имеют значение для профилактики радикализации на уровне коммуникативных сетевых практик.

Ключевые слова: дискурс, коммуникативные практики, языковая личность, воздействие, вовлечение, языковая агрессия, лингвистическая безопасность, дискommunikация

В современных условиях проблема радикализации личности, ее коммуникативных практик становится не только государственно-правовой, социальной проблемой, но и той, которую рассматривает ряд направлений гуманитарных наук – в частности: психология личности, коммуникативистика, теория воздействия, дискурсология. Важным направлением современного антропоцентричного знания представляется изучение и систематизация основ ранней диагностики такого отклонения в поведении личности через ее речь, в особенности с учетом того воздействия, которое оказывают на личность речевые практики сети Интернет, коммуникативное окружение человека и общий социально-психологический контекст (экстралингвистический фактор). В настоящей работе предпринята попытка анализа когнитивно-психологических и коммуникативно-социальных явлений через уровень языковых репрезентаций (междисциплинарный подход, синергия гуманитарного знания).

Конец XX в. ознаменовался всплеском интереса к выявлению и исследованию разного вида дискурсов. Понятие «дискурс» достаточно давно сложилось в научном представлении, а потому многие его авторские определения традиционно повторяют друг друга. Так, чаще всего дискурс трактуется как «общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отображающих его специфику» [1, с. 109].

Как пишет в одной из своих работ О.Б. Христофорова, дискурс «включает и лингвистические, и паралингвистические факторы (курсив наш. – Е.П.), причем не только параметры коммуникативной ситуации, но и характеристики социально-культурной среды, в которой протекает коммуникация (мифологию, идеологию, правовые институты, социальную структуру, этикет, интерьер жилища, пищевые традиции и другие “кластеры” культуры, рассматриваемые как семиотические объекты или системы)» [2, с. 5]. В.В. Красных также отмечает не исключительно языковую природу дискурса: «Дискурс – вербализованная речемыслительная деятельность, включающая в себя не только собственно лингвистические, но и экстралингвистические компоненты (курсив наш. – Е.П.). Также аспектами коммуникативного акта являются конситуация, контекст, пресуппозиция, речь» [3, с. 162].

Резюмируя, дискурс можно определить как *общее текстово-смысловое пространство для определенного круга носителей языка и культуры: он содержит некую совокупность текстов, отражает социально-исторические условия, способен влиять на развитие общества и на формирование концептуального поля личности*. По замечанию Е.Ю. Мещеркиной, в основе дискурса лежит так называемая «конструктивистская перспектива»: «Наше знание не сводимо к “врожденной” когнитивной системе категорий, – скорее это *социально устанавливаемая символическая система или порядок, которые социально воспроизводятся через дискурс* (курсив наш. – Е.П.)» [4, с. 219]. Дискурс является важным элементом социального существования языка: без него невозможна человеческая коммуникация, установление норм общежития и межличностная интеракция. При этом важно отметить, что данные постулаты касаются не только общества в целом, но и интрагрупповых коммуникативных пространств – например, в нашем случае – дискурса учебной коммуникации радикализованной группы (*криминогенная* разновидность дискурса), дискурса ее информационно-полевых интересов и социальных сетей (*криминогенная* и *некриминогенная* разновидности). В последнем случае в дискурсивное поле включается не только собственно коммуникация участников запрещенных групп («Хизб-ут Тахрир», «Свидетели Иеговы», «Алля Аят» и под.), но и языковые факты общения людей, не вовлеченных в практики групп, но имеющих сходную с групповой идеологию, которую условно можно маркировать как «запрещенную» или «радикализованную». Отметим также, что коммуникативные практики радикального направления могут быть *сетевыми* и *контактными*. В рамках настоящего исследования мы имеем возможность лишь кратко рассмотреть некоторые сетевые коммуникативные практики. Контактным групповым практикам посвящены другие наши работы [5, 6].

Если общенациональный дискурс трактуется как отражение сознания общественного бытия, которое включает ценности и эпистемологию социальных субъектов и является неотъемлемой частью когнитивной системы народа, то дискурс, маркированный групповыми интересами и коллективной идеологией, становится системой фиксации групповых норм, радикальной общественно-политической морали, криминогенного поведенческого кодекса и разного рода мыслительных искажений. Именно таким мы считаем **радикализованный дискурс**, под которым понимаем не только речевую пропаганду идей терроризма и экстремизма, распространение информации, содержащей призывы к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающей/оправдывающей необходимость осуществления таковой. Радикализованный дискурс (далее – РД) гораздо более объемное понятие, включающее речевые практики языковой агрессии и языкового насилия, ксенофобные нападки в комментариях соцсетей, контент, способствующий распространению «языка вражды» и чувства обострения разного рода социальных конфликтов у коммуникантов.

Радикализацию вслед за А.П. Шмидом принято рассматривать как «процесс, который способствует более широкому применению насильственных средств и стратегий в решении политических конфликтов»¹ [7, р. 6], или вслед за А. Вилнером и К.-Дж. Дуболозом – как «персональный процесс, в рамках которого индивидуумы принимают экстремистские политические, социальные и/или религиозные идеалы и стремления и оправдывают использование неизбирательного насилия для достижения определенных целей. Радикализация – это как *ментальный*, так и *эмоциональный* процесс, который подготавливает и мотивирует индивидуума к совершению насильственных действий» [8, р. 38].

Добавим, что это еще и процесс обретения личностью или группой радикальных взглядов – этот процесс вряд ли может протекать без включения личности/группы в определенные речевые практики и определенное смысловое поле. Причем, как видно из определений классического толка, чаще всего радикализацию связывают с системой убеждений и поступков личности, которая касается *внешней социальной жизни* – политической, религиозной, идеологической. Цель таких действий при этом описывается так же, как направленная *вовне*: «решительное изменение существующих институтов», «разрыв с признанной традицией», «бескомпромиссное стремление добиваться коренных изменений в преобразовательной деятельности» [9, с. 60–66].

На наш взгляд, трактовка термина «радикализация» требует существенных уточнений в ракурсе современных социально-политических и научных тенденций. Во-первых, радикализацию следует описывать не только через систему внешних по отношению к личности параметров, но и через «внутренние» параметры, и через коммуникативные/речевые. Помимо изменения политических, идеологических, религиозных взглядов, личность подвергается трансформации и в аспекте базисных психологических параметров, и в отношении привычных для нее речевых практик: при постоянном взаимодействии с экстремистским контекстом и радикализованным окружением у личности возрастают уровень агрессии, тревожности, интереса к насилию как форме убеждения, конформности и ряд других

¹ Перевод здесь и далее наш. – Е.П.

характеристик. На уровне речи это проявляется в снижении навыков коммуникативного сглаживания конфликтов, усилении склонности к вербальному выражению агрессии, намеренном отказе от речевого этикета, дисконмуникации. В этой связи имеет смысл ввести в научный оборот понятие *психолингвистические маркеры радикализованной(ого) личности/дискурса*.

Во-вторых, невозможно рассматривать процесс обретения радикальных взглядов и параметров языковой личности безотносительно информационно-текстового контекста – иначе говоря, вне *дискурсивного поля* – комбинаций социального, коммуникативного, идеологического и интеллектуального полей, которые выражаются в формировании определенного типа языка, текстов, диалогов, характерных для конкретных социально-культурных сред.

В этой связи следует оговорить, что, согласно нашим научным представлениям и эмпирическим наработкам, *формирование радикальной личности невозможно вне ее участия в функционировании дискурсивных полей радикальной направленности*: вне соответствующего экстралингвистического и коммуникативного контекста личность не может прийти к обретению крайних взглядов на мироустройство, политику, общество. На формирование таких параметров языковой личности оказывают влияние все типы контекстов, известные в теории дискурса: речевой, психологический, экзистенциальный, ситуационный, акциональный [10, с. 22–43].

Обратимся к рассмотрению ряда *структурных и функциональных особенностей радикализованного дискурса*.

Способы моделирования РД, по аналогии с другими видами дискурсов, в нашем случае рационально и тактически удобно рассматривать в виде «фреймов» (моделей речевого поведения) и «сценариев речевого поведения» (тактик и стратегий словесной реализации таких моделей в процессе коммуникации).

Поскольку, на наш взгляд, понятие РД включает гораздо большую совокупность текстовых объединений, чем собственно тексты экстремистской смысловой направленности, речевые практики РД распространяются в общедоступных интернет-пространствах. Ввиду общего снижения доверия к традиционным масс-медиа (ТВ, газеты, сетевые новостные издания) особую роль в формировании повестки начинают играть тексты блогосреды, комментарии пользователей в соцсетях – социологи коммуникации даже называют эти коммуникативные пространства *новой информосферой*.

Тема в сообщениях и публикациях РД не привязана исключительно к политической повестке. Обусловлено это, с одной стороны, принципиальной несоотносимостью дискурса с одной темой – он соотносится не с темой, а с концептом. Так, В.З. Демьянков отмечал, что дискурс «часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п.» [11, с. 7], а выбор темы дискурса, его «центрального» концепта всегда завязан на говорящего или инициатора коммуникации (автора сообщения). Кроме того, поскольку дискурс имеет линейную природу, то именно инициальное сообщение задает общий тон последующей коммуникации. *Любое сообщение может стать инициальным* (стимулирующим) и спровоцировать цепочку ответных коммуникативных

актов, в том числе и на иные, смежные с начальной темы – так реализуется гипертекстовая природа дискурса вообще.

Эта гипертекстовая особенность наиболее ярко проявляется в дереве комментариев к публикациям в соцсетях, особенно ярко – в соцсети «ВКонтакте». Рассмотрим несколько примеров из текстового наполнения группы «Правые. Запасная». В группе публикуются новости с акцентом на концепт «Гиперидентичность». Так, в ответ на новостные заметки от 27–28 апреля 2022 г. о массовых погромах мигрантов и развешивании мигрантами выстиранной одежды в подъезде московского дома² участники группы раздражаются в том числе агрессивными, эмоционально неуравновешенными, враждебно ориентированными комментариями, которые включают ксенофобную брань, этнофолизмы, призывы к депортации мигрантов и иронию по поводу необходимости их терпеть (рис. 1). Указанные признаки неэкологичного общения идентифицированы в комментариях пользователей с никами Макс Миронов (*...кто будет защищать русских?*), Евгений Алабен (*и долго... я буду смотреть на это...*), Иннокентий Иннокентьев (*пусть домой п...т утырки*), Максим Амосов (*не вздумайте возмутиться таким поведением пещерным*), Владимир Марков, Александр Степанов и Мах Мах (*возьмите палочку и скиньте все к чертям, а потом красочкой можно облить и будет модная одежда... И поджечь... Пряма на том, кто ее одел*), Михаил Шульц (см. на рис. 1 подробное описание мигрантов) и Владимир Аношенков (*ос...бы*).

Как видим, наиболее агрессивные с позиции языкового выражения комментарии получают ответ в виде ряда других комментариев, не менее заряженных с позиции эмоционального проявления личности в тексте.

В публикации от 29 апреля 2022 г. также содержатся признаки текста РД: выходцы из Средней Азии, совершившие кражу ливневок, описываются не просто как мелкие преступники, но как те, кого россиянам приходится терпеть (косвенная антипатия / мягкий «язык вражды»)³. Это подтверждается комментарием пользователя с ником Михаил Михайлович (оценочно маркированное противопоставление, характерное для «языка вражды»: «Мы» – «Они», «свои» – «чужие»): *«Извинятся на камеру и отпустят! Если бы местные бродяги, это уже другая история была бы!»*

В публикации от 27 апреля 2022 г. дан комментарий на сообщение об уголовном деле, заведенном на Ровшана Аскерова (статья «Реабилитация фашизма»)⁴, который назван «руссофобом» (может *«тебе нож в спину»*, *«против русских»*). Такая подача информации также включает признаки мягкого «языка вражды» – читающая аудитория настраивается во враждебном ключе, целенаправленно выводится на негативные эмоции. В комментариях пользователей также содержатся признаки языковой ксенофобии (ник Иван Иванович: *«эта обезьяна»*; ник Саша Паровозов: *«обезьяна»*, *«г...но»*; ник Дмитрий Шапошников: *«этой мартышки»*). И снова видно, что один негативный ксенофобный комментарий провоцирует дерево текстовых сообщений (см. рис. 2).

² https://vk.com/rus_prav?w=wall-32798235_115875.

³ https://vk.com/rus_prav?w=wall-32798235_116040.

⁴ https://vk.com/rus_prav?w=wall-32798235_115865.

Правые. Запасная
27 апр в 20:12

Иностранцы-специалисты из среднеазиатских государств создают уют в подъездах многоквартирных домов Москвы.

Жилцы дома по адресу Липовый парк д.7 в 1-м подъезде, на 5 этаже увидели вот такой актуальный дизайн парадного интерьера. Гастарбайтеры, которые снимают койко место в одной из резиновых квартир этого дома просто не хватило места для своего белья, поэтому пришлось развесить его на перилах, просят отнестись с пониманием.

115 35 41 8.8K

Владимир Марков
Возьмите палочку и скиньте всё к чертям а потом красочкой можно облить и будет модная одежда)
27 апр в 20:24 Ответить Поделиться 24

Александр Степанов
Владимир, и поджечь 😊
27 апр в 21:10 Ответить Поделиться 4

Мах Мах ответил Александру
Александр, прйм на том, кто её одел
28 апр в 9:03 Ответить Поделиться 4

Александр Степанов ответил Мах

28 апр в 9:05 Ответить Поделиться 2

Михаил Шульц
Работаю вахтовым методом,вот меня реально б...ть тянет,когда после них в толчек заходишь,ноги в раковине моют поэтому под ногами стабильно вода грязь и тряпки,некоторые на дальняках ср...ей не пользуются рядом с толчком по 3-5 коричневатых бутылок,некоторые возле смыва камешки держат(как говорится чтобы последняя капля не в трусы),ну и почти все не знают что такое круг,его либо попусту об...т,либо ногами на него встают,в комнате отдыха чуть ли не под ноги плюют свои козьи каки(насвай),в общаках короче все за...но и завалено, наверное так положено по ихнему,но вот со своего койко места,с...пылинки сдувают,и т... утром хрен куда попадешь,ТК моют голову зубы и прочий туалет по 15-20 минут на рыло
27 апр в 21:14 Ответить Поделиться 17

Владимир Аношенков
Михаил,
Знакомо. А могут ж...у из бутылка помыть рядом с унитазом.Потом лужа.Есть нормальные парни,но это редкость.В основном ос...ты.
27 апр в 21:39 Ответить Поделиться 7

Михаил Шульц ответил Владимиру
Владимир, у нас стабильно такие,щас на военке,в челябинской области,тут гостиница для работяг, именно специалистов в не разнорабочих тожероссия,небо и земля,туалет ванная душ все чисто,посуда ложки вилки все общее и помыто,в комнате хоть и тесно но каждый свой угол сам захламляет,на общее столы,стулья и батареи свои труханы не вешают
27 апр в 21:44 Ответить Поделиться 5

Lil Kate
Михаил, пожаловаться не судьба?
28 апр в 11:39 Ответить Поделиться

Максим Амосов
Ну снимайте на телефон и терпите... Вам не привыкать... И конечно же не вздумайте возмутится таким поведением пецнерным... ШИПИТЕ про себя и молчите... И надейтесь на то что авось ваш дом кто-то другой защитит и отстоит.
27 апр в 20:48 Ответить Поделиться 46

Вадим Касьянов
Максим, молоток,согласаюсе 🙏🙏🙏
27 апр в 20:52 Ответить Поделиться 4

Максим Амосов ответил Вадиму
Вадим, ну реально браток смех да и только... Боятся что-ли?
27 апр в 20:53 Ответить Поделиться 5

Вадим Касьянов ответил Максиму
Максим, бояться никогда никого не нужно не сс...!!!
27 апр в 21:03 Ответить Поделиться 2

Александр Соколов ответил Вадиму
Вадим, а просто тряпки об...ть, больше не повесят.
28 апр в 15:21 Ответить Поделиться

Рис. 1. Текстовые иллюстрации – комментарии участников группы «Правые. Запасная» сети «ВКонтакте» (часть 1)

Правые. Запасная
27 апр в 18:52

На участника телевизионной игры «Что? Где? Когда?» Ровшана Аскерова завели дело о реабилитации нацизма. По информации СК, в апреле он опубликовал в соцсетях «заведомо ложные сведения, оскорбляющие и порочащие память российского полководца и защитника Отечества маршала Советского Союза Георгия Жукова».

На просьбу радиостанции «Говорит Москва» прокомментировать ситуацию Аскеров ответил отказом.

«Я ничего не знаю, я вообще нахожусь не в России».

В своем посте Аскеров назвал Жукова вором, заявив, что тот якобы «вывозил из Германии трофейное имущество для своего личного пользования».

И до этого он высказывался не в хорошем свете про Россию и против русских,живя в России!вот правильно говорят-Россия щедрая душа,всех примет,даст денег,а вот такие русофобы тебе нож в спину.

иван иванович
кому интересно мнение этой обезьяны.....?????????
27 апр в 19:02 Ответить Поделиться 22

Дмитрий Лепин
Иван, Один из умнейших людей страны, всего лишь. А для бы...та "обезьяна"
28 апр в 14:05 Ответить Поделиться 1

Елизар Светлогорский ответил Дмитрию
Дмитрий, это для б...та он умнейший, для умных и знающих людей он всего лишь истеричка
вчера в 21:14 Ответить Поделиться

Дмитрий Лепин ответил Елизару
Елизар, Ясно, держите в курсе
вчера в 21:50 Ответить Поделиться

Написать комментарий...

Антон Кутуев
МММ... а где он не прав?
27 апр в 21:43 Ответить Поделиться 7

Павел Жуков
За маршала Победы Жукова его нужно призвать к жесткому ответу !!! Это было много десятилетий назад и этим нужно гордиться

Рис. 2. Текстовые иллюстрации – комментарии участников группы «Правые. Запасная» сети «ВКонтакте» (часть 2)

Следовательно, информационно-коммуникативное пространство группы является примером радикализованного дискурса: признаки «языка вражды» представлены не единично, а линейно во всех публикациях группы. Языковая агрессия участников коммуникации имеет разную направленность:

- аутгруппа «Они» (мигранты, чужие);
- кто-то из комментирующих, высказывающих противоположную точку зрения, не поддерживающих позицию говорящего «Я»;
- правительство, представители власти, если они также не поддерживают точку зрения говорящего (комментатора).

Все тексты РД, представленные в пространстве соцсетей и Интернета в целом, можно разделить на две большие группы:

– *тексты вертикального целенаправленного воздействия* (размещены на страницах экстремистских и радикализованных групп как часть целенаправленной пропаганды – относятся к криминогенной разновидности дискурса);

– *тексты горизонтальной реакции* (комментарии свободных пользователей сетей, сторонников (не членов) групп или радикальной идеологии; их репосты – в этих текстах пропаганда носит не всегда осознанный и целенаправленный характер, но также присутствует – некриминогенная разновидность РД).

При описании подобных коммуникаций исследователи очерчивают проблему *определения границ одной темы*: как правило, темы накладываются друг на друга и разворачиваются далее по принципу «снежного кома» в зависимости от эмоциональной составляющей и общего интеллектуального показателя аудитории-адресата – проявляется *тематическая полифония*. По типологии В.И. Карасика рассматриваемый РД следует отнести к группе неинституциональных бытийно-бытовых дискурсов, для которых характерно смешение тем и мотивов [12, с. 299].

Конфликтность РД обуславливается не только подбором тем, но и их языковым оформлением: в текстах и высказываниях дискурсивного поля преобладают единицы стилистически сниженного регистра, обценнизмы, этнофолизмы (*укроп, ватник, пиндос*), наблюдается неграмотное построение фраз, упрощение орфографии (например, отсутствие заглавных букв) и пунктуации. Предпочтение отдается декларативам и эмотивам, стратегия конфликтного диалога не приветствуется. Поддерживаются такие речевые паттерны также и бурными проявлениями пейоративной эмоциональной сферы: участники диалогов выражают злость, обиду, демонстрируют желание мести и восстановления концептуальной «справедливости» (представление о ней будет различаться от группы к группе). Именно применительно к РД справедливо замечание Р. Блакара о языке как «инструменте социальной власти», который всячески избегает нейтральности на уровне лексико-семантическом и предоставляет говорящему право выбора лучшего варианта выражения запланированных смыслов [13, с. 90–91].

Наблюдается формирование *тематической когеренции*: вокруг глобальной темы дискурса (которую можно определить как *несогласие с существующим миропорядком и теми, кто не поддерживает сходную с ингрупповой точку зрения*) формируется плеяда вторичных тем, что выражается в повторении мотивов, ключевых объектов оценивания, фактов, когнитивных структур, социальных представлений, стереотипов (например: несогласие с политическим режимом,

недовольство властью, маркирование неравного положения регионов/языков/ национальностей, устремленность к религиозному мироустройству и проч.).

Подобную когеренцию можно наблюдать в являющейся примером функционирования РД рэп-песне «Упадок», которая была размещена в сети Интернет⁵:

*Тысяча людей введены в заблуждение.
 Это как наваждение – гнилые убеждения
 Толкают их на низкие поступки, преступность.
 В моде группировки, банды, стрелки, разборки.
 Спиртные напитки, оптовикам – скидки.
 Малолетки употребляют наркотики.
 Притоны, проститутки, однополые браки,
 Ночные потасовки, алкоголики, драки.
 Взятки, подкупы, продажные чиновники.
 Судьи, прокуроры, опера, подполковники.
 У богатых – права, а у бедных – обязательства,
 Закон как средство увеличить богатство.
 Уродство, мутация, калеки, инвалиды,
 Больные СПИДом, наркоманы, токсикоманы,
 Бездомные дети, воры, убийцы,
 Сексуальные меньшинства, маньяки, извращенцы.
 <...>
 Правительство, парламент и служба безопасности
 Ведут борьбу с исламом в целом и в частности.
 Прочь мусульман, которые ведут призыв к истине,
 Лживо обвиняя их во всяком терроризме.
 <...>
 Мы – очевидцы массового обмана.
 Такая ситуация почти во всех странах.
 Теперь включите новости: что творится в мире?
 «Братан, давай рассказывай, ты в прямом эфире».
 «Махмуд, саламалейкум! Ты меня слышишь?»
 «Да я слышу тебя, брат! Уагалайкум ассалам!
 Расскажи, что происходит там»...
 Что творится в Ираке? Американские собаки
 Убивают мусульман, руководители всех стран
 Ближнего Востока нас предали жестоко
 И сидят, сложа руки, вот же.
 В Чечне и Палестине, в Албании и в Афгане,
 Братья мусульмане ведут священную войну
 На пути Аллаха, не испытывая страха
 Перед этими неверными, скверными тварями.
 А вы здесь сидите, вкусно кушайте, сладко спите,
 Чего вы хотите, неужели после этого
 Вы на милость Аллаха рассчитываете?
 Или вы не учитывайте того, что вы умрете?
 Богатство ближнего мира с собой не заберете!
 Чего вы сидите, чего вы ждете?*

⁵ <http://mp3lalala.ru/music/%D0%BC%D0%B0%D1%85%D0%BC%D1%83%D0%B4++%D1%83%D0%BF%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%BA/>.

<...>

«Давай, рассказывай, что у вас происходит такого?»

«Девчонки, девчонки, короткие юбочки.

Топики, топики, оголенные животики.

Как правило, наркотики, спиртные напитки,

Ночные дискотеки, тупые малолетки».

<...>

Неужели вы не понимаете, что эта демократия

Является причиной всех ваших страданий?

<...>

Упадок очевиден, только слепому он не виден...

Текст песни относится к системе средств воздействия начальной стадии вовлечения в радикализованную идеологию. Психологический процесс «вербовки» обычно описывается как проходящий в три этапа: «Размораживание», «Изменение» и «Замораживание» («Теория изменений» Курта Левина [14, с. 198–291]). На этой стадии на «учеников» воздействуют с помощью книг, листовок, газет, фильмов и статей, большая часть из которых размещена на различных сайтах группы или идеологически сходных с ней групп в сети Интернет. Далее личность вербуемого доводят до полной подконтрольности наставнику.

М. Вершинин, исследуя тексты исламского экстремистского содержания (пример РД), приходит к выводу, что упор в подобных текстах делается на «несовершенстве существующего порядка в мире, особенно в странах “демократии”»; «экономическом и духовном неравенстве между Севером и Югом, Западом и Востоком мира»; «падении моральных и нравственных устоев, семейных ценностей в любом обществе, куда проникает западный образ жизни, с его индивидуализмом и другими “капиталистическими и демократическими ересями”» (цит. по [15, с. 35]).

Тексты РД пишутся простым, но не примитивным языком, обязательно включают элементы софистики (политической, религиозной, реже – нравственной). Текст песни «Упадок» содержит высказывания, направленные на возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, и пропаганду исключительности, превосходства или неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной либо языковой принадлежности или отношения к религии; а также высказывания, способные побуждать к совершению преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти. Важным содержательным компонентом текста является включение высказываний побудительного характера, направленных на воспрепятствование деятельности государственных органов, соединенное с насилием либо угрозой его применения; на публичное оправдание терроризма и иной террористической деятельности. Такой текст должен подлежать запрету к распространению в открытых сетевых пространствах.

Основной композиционный прием, используемый автором текста, – *нарушение законов языковой и формальной логики*. Изложение материала дается с нарушением принципов причинно-следственной связи: понятия, события, не связанные между собой, становятся единицами единого смыслового поля РД. Это один из сильнейших по эффекту воздействия приемов лингвистического манипулирова-

ния, направленный на изменение картины мира пользователя и, как следствие, на изменение его поведения и структуры личности.

Возбуждение социальной, национальной, религиозной розни становится одним из ключевых направлений в моделировании прагматического уровня восприятия текста песни. Семантико-языковая база – намеренные и неоднократно повторяющиеся идеи утвердительно-декларативного характера следующей тематической направленности: 1) во всех бедах современного общества виновато правительство, власть, система, способ правления; 2) представителей группы «Мы» (мусульман) «обижают», «угнетают» власти современного мира и немусульмане; 3) «угнетаемые» в связке агрессор – жертва наделяются положительной оценкой; 4) высшую оценку получают те, кто ведет «священную войну».

Используемые автором лингвистические приемы воздействия: введение ключевых лексем тематической группы «власть» в отрицательно оцениваемый контекст, который создается при помощи слов с явно выраженным пейоративным компонентом значения; ключевая лексема песни – *упадок* – становится рефреном и соединяет в себе и негативно окрашенную сему, и связь с понятием «система/правительство»; использование высказываний-декларативов и эмотивов, агентно-объектных конструкций; оскорбительных языковых характеристик, имеющих неприличную языковую форму («*неверные, скверные твари*», «*американские собаки*»); устойчивое выражение «*ближний мир*» в значении «*жизнь*» подвергается рефреймингу и помогает автору пропагандировать идею суицидального терроризма.

В общей лексической массе текста слова, содержащие отрицательный коннотативный компонент значения, составляют примерно 78%. Они выполняют в тексте смысломоделлирующую функцию. Текст песни в подобной подаче получает призывную направленность. Содержание призыва – вступить в «священную войну», начать вести «призыв к истине», совершать некие отрицательные/ устрашающие/агрессивные действия, направленные против власти/демократии.

Таким образом, песня используется как инструмент вербовки на начальном этапе вовлечения в противоправную деятельность, а основным инструментом изменения картины мира будущего участника группы становится РД (песня лишь часть сборника). Чтобы понять содержание песни более глубоко («правильно»), слушатели приглашаются на беседу со «старшим», который рекомендует книги к изучению, начинает понемногу контролировать поведенческую и аффективную сферу недавно пришедших членов группы. Такие коммуникативные практики будут относиться к текстам вертикального целенаправленного воздействия как разновидности РД.

Подводя итог, выделим ряд *сущностных параметров* радикализации как дискурсивной характеристики.

1. Цель общения – регулирование посткоммуникативного поведения реципиента через изменение убеждений, мнений, оценок реципиента.

2. Важным параметром общения становится фактор персуазивности как стратегии порождения высказывания в рамках конкретного коммуникативного события, ориентированного на побуждение адресата к действиям в интересах адресанта.

3. Адресант играет роль источника побуждения, реципиент – роль исполнителя целевого действия; однако в линейном развертывании дискурсивных практик реципиент может становиться и инициатором побуждения.

4. Охват как внутригрупповых форм общения (например, общение внутри телеграм-каналов специфических групп), так и публично-социальных (паблики, ВК, YouTube).

5. С точки зрения коммуникативных целей РД относится одновременно к нескольким типам коммуникации – убеждающему и экспрессивному, а намерение авторов интернет-текстов – привлечение внимания к социально-политическим и религиозным проблемам, вербовка новых адептов группы на ранних этапах вовлечения, публичное разжигание конфликтов (при этом отметим, что автор-радикал может параллельно реализовывать различные собственные коммуникативные цели [16, с. 195]).

6. Включение в качестве обязательного элемента вербальной и невербальной *пропаганды* распространения «среди широкого круга лиц идей, взглядов, представлений или побуждений к действиям, направленным на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды» [17, с. 33], или, в другой трактовке, сугубо идеологической и политической деятельности, являющейся транслятором воздействия на общественное сознание.

7. Преобладающие речевые жанры и тактики: разоблачения и расследования, призывы, воззвания, поучения, советы, исторические экскурсы, оценочные суждения, предостережения, требования, угрозы и т. п.

8. Преобладающий тип коммуникативного действия – (а) признаки цели «убеждение»; (б) признаки самих взглядов; убеждение выражается в побуждении адресата к изменению точки зрения.

9. Ставка на двуединство инструментов воздействия – рационального и эмоционального.

10. Основными способами развертывания темы РД (по К. Бринкеру) становятся нарративный, разъясняющий и аргументативный [18, р. 56–77].

11. Адресант и реципиент находятся в отношениях, имитирующих равенство (горизонтальная коммуникация), однако такая иллюзия выгодна адресанту для достижения цели.

12. Реципиенту кажется, что он волен принимать самостоятельное решение о необходимости совершить целевое действие в интересах адресанта; на самом деле «ситуация выбора» контролируется концептуальным полем и авторитетом адресанта.

13. В качестве аргументативных шагов используется серия уроков, в которых адресат и адресант взаимодействуют друг с другом в целях обоснования центрального заключения о необходимости/желательности/возможности совершения / отказа от совершения посткоммуникативного действия в интересах адресанта.

14. «Аргументирование» подкрепляется манипулятивными и суггестивными приемами воздействия на реципиента. Такое манипулирование в РД ведется через *апелляцию к эмоциям* (прежде всего страху, гневу, ненависти, «основному инстинкту»), *социальным установкам* (разделение на «своих» и «чужих», стремление «быть как все», стремление повысить шансы на попадание в Рай, например), *картине мира, в том числе к структуре ценностей* (загробная жизнь, чувство

политической и экономической стабильности, защищенности, включенности в группу).

Веб-ресурсы, телеграм-рассылки, закрытые групповые чаты и открытые форумы реализуют возможность публичной интеракции и существования радикализованного дискурса в виртуальной форме – не в формальной, а потому упорядоченной и ограниченной коммуникации, а в новом гипертекстовом дискурсивном пространстве.

Система профилактики радикализации общества должна включать и работу с радикализованным дискурсом как системой целенаправленного формирования мировоззрения группы риска и готовности к террористическим или радикальным действиям (как минимум, речевым сетевым).

Литература

1. Манаенко Г.Н. Информационно-дискурсивный подход к анализу осложненного предложения. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. – 256 с.
2. Христофорова О.Б. Дискурс о колдовстве и локальные фольклорные традиции: семантика, прагматика, социальные функции: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2010. – 46 с.
3. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. – М.: Гнозис, 2001. – 270 с.
4. Мещеркина Е.Ю. Феминистский подход к интерпретации качественных данных: методы анализа текста, интеракции и изображения // Введение в гендерные исследования: в 2 ч. / Под ред. И.А. Жеребкиной. – Харьков; СПб.: ХЦГИ: Алетейя, 2001. – Ч. 1. – 708 с.
5. Палеха Е.С. Коммуникативные механизмы деструктивного воздействия на личность и защита от них // Культурная сложность и риски радикализации в региональном сообществе: этничность, религиозность, гендер / Под ред. В.Е. Козлова, Т.А. Титовой. – Казань: Изд-во ИППСИ, 2022. – С. 171–227.
6. Палеха Е.С. Манипулятивные речевые практики, используемые в воспитании адептов радикальных групп // Психология и социальная педагогика: современное состояние и перспективы развития: Сб. науч. ст. / Отв. ред. И.П. Иванова, Д.А. Федорова. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2022. – С. 95–98.
7. Schmid A.P. Radicalisation, de-radicalisation, counter-radicalisation: A conceptual discussion and literature review: ICCT Res. Pap. – The Hague: Int. Centr. Counter-Terrorism, 2013. – Mar. – vii+97 p. – doi: 10.19165/2013.1.02.
8. Wilner A.S., Dubouloz C.-J. Homegrown terrorism and transformative learning: An interdisciplinary approach to understanding radicalization // Global Change, Peace Secur. – 2010. – V. 22, No 1. – P. 33–51. – doi: 10.1080/14781150903487956.
9. Внукова Л.Б. Радикализация как персональный процесс и социальный феномен: зарубежные теории и российские реалии // Вопр. безопасности. – 2017. – № 4. – С. 60–69.
10. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
11. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. – М.: ВЦП, 1982. – Вып. 2: Методы анализа текста. – 288 с.
12. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

13. *Блакар Р.* Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) // Язык и моделирование социального взаимодействия: Сб. ст. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88–125.
14. *Левин К.* Разрешение социальных конфликтов. – СПб.: Речь, 2000. – 408 с.
15. *Гайворонская А.А.* Вовлечение в деятельность экстремистских и террористических организаций: понятие, классификация // Вестн. Нац. антитеррористического комитета. – 2022. – № 1. – С. 34–37.
16. *Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н.* Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. – М.: ЭКОМ Паблицерз, 2011. – 326 с.
17. *Галышина Е.И.* Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам. – М.: Юрид. мир, 2006. – 96 с.
18. *Brinker K.* Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1992. – 160 S.

Поступила в редакцию
25.07.2022

Палеха Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Институт педагогики, психологии и социальных проблем
ул. Исаева, д. 12, г. Казань, 420039, Россия
E-mail: katerina.paleha@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2022, vol. 164, no. 5, pp. 59–73

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2022.5.59-73

Radicalized Discourse: Definition, Structure, and Features

E.S. Palekha

Institute of Pedagogy, Psychology, and Social Problems, Kazan, 420039 Russia
E-mail: katerina.paleha@gmail.com

Received July 25, 2022

Abstract

This article considers the ways in which verbal aggression and linguistic terrorism appear in the media and in communication as forms of the systemically developing radicalized discourse. It aims to reveal the communicative potential and verbal content of texts belonging to radicalized discourse using the methods of complex linguistic and communicative, content and intent, conceptual, stylistic and pragmatic, and discourse analyses, etc. A discourse description of aggressive texts published on the Internet was performed. The patterns of such linguistic behavior on the Internet that involves various manifestations of verbal aggression and deviance were analyzed. Examples from real linguo-criminological cases were examined. The discourse was investigated as a means of exercising a verbal impact on the addressee and escalating the social conflict. Cases from radicalized online discourse were presented. The potential for studying cognitive-psychological and communicative-social phenomena through language transformations (interdisciplinary approach, synergy of the humanities) was demonstrated. The following types of radicalized discourse were proposed: criminogenic and non-criminogenic, texts of horizontal reaction

and vertical purposeful influence. At the level of theoretical generalizations, a definition of radicalized discourse was given, and its essential, functional, and structural features were singled out. The obtained results are important to prevent radicalization in online communicative practices.

Keywords: discourse, communicative practices, linguistic personality, impact, involvement, linguistic aggression, linguistic security, discommunication

Figure Captions

Fig. 1. Cut-in illustrations – comments by members of the group “Rightists. Extra” (‘Pravye. Zapasnaya’) on VKontakte (part 1).

Fig. 2. Cut-in illustrations – comments by members of the group “Rightists. Extra” (‘Pravye. Zapasnaya’) on VKontakte (part 2).

References

1. Manaenko G.N. *Informatsionno-diskursivnyi podkhod k analizu oslozhnennogo predlozheniya* [An Information and Discourse Approach to Expanded Sentence Analysis]. Stavropol, Izd. SGU, 2006. 256 p. (In Russian)
2. Khristoforova O.B. Witchcraft discourse and local folklore traditions: Semantics, pragmatics, and social functions. *Extended Abstract of Doct. Philol. Diss.* Moscow, 2010. 46 p. (In Russian)
3. Krasnykh V.V. *Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii: Kurs lektsii* [Fundamentals of Psycholinguistics and Communication Theory: A Course of Lectures]. Moscow, Gnozis, 2001. 270 p. (In Russian)
4. Meshcherkina E.Yu. A feminist approach to qualitative data interpretation: Methods for analysis of texts, interaction, and images. In: Zhrebkina I.A. (Ed.) *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to Gender Studies]. Pt. 1. Kharkiv, St. Petersburg, KhTsGI, Aleteiya, 2001. 708 p. (In Russian)
5. Palekha E.S. Communicative mechanisms that exert a destructive influence on a person and preventive measures against them. In: Kozlov V.E., Titova T.A. (Eds.) *Kul'turnaya slozhnost' i riski radikalizatsii v regional'nom soobshchestve: etnichnost', religioznost', gender* [Cultural Complexity and the Risks of Radicalization in a Regional Community: Religiosity, Religiosity, and Gender]. Kazan, Izd. IPPSP, 2022, pp. 171–227. (In Russian)
6. Palekha E.S. Manipulations in speech to rehabilitate adherents of radical movements. In: Ivanova I.P., Fedorova D.A. (Eds.) *Psikhologiya i sotsial'naya pedagogika: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya: Sb. nauch. st.* [Psychology and Social Pedagogy: Current State and Prospects for Development: A Collection of Articles]. Cheboksary, Chuv. Gos. Pedagog. Univ., 2022, pp. 95–98. (In Russian)
7. Schmid A.P. Radicalisation, de-radicalisation, counter-radicalisation: A conceptual discussion and literature review: ICCT Res. Pap. The Hague, Int. Cent. Counter-Terrorism, 2013, Mar. vii+97 p. doi: 10.19165/2013.1.02.
8. Wilner A.S., Dubouloz C.-J. Homegrown terrorism and transformative learning: An interdisciplinary approach to understanding radicalization. *Global Change, Peace & Security*, 2010, vol. 22, no. 1, pp. 33–51. doi: 10.1080/14781150903487956.
9. Vnukova L.B. Radicalization as a personal process and social phenomenon: Foreign theories and Russian realias. *Voprosy Bezopasnosti*, 2017, no. 4, pp. 60–69. (In Russian)
10. Makarov M.L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of Discourse Theory]. Moscow, Gnozis, 2003. 280 p. (In Russian)
11. Dem'yankov V.Z. *Anglo-russkie terminy po prikladnoi lingvistike i avtomaticheskoi pererabotke teksta* [English-Russian Terms in Applied Linguistics and Automatic Text Processing]. Moscow, VTsP, 1982, no. 2: Methods of text analysis. 288 p. (In Russian)
12. Karasik V.I. *Yazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Person, Concepts, and Discourse]. Volgograd, Peremena, 2002. 477 p. (In Russian)
13. Blakar R. Language as a tool of social power (theoretical and empirical studies of language and its use in social contexts). In: *Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviya: Sb. st.* [Language and Social Interaction Modeling: A Collection of Articles]. Moscow, Progress, 1987, pp. 88–125. (In Russian)

14. Levin K. *Razreshenie sotsial'nykh konfliktov* [Resolving Social Conflicts]. St. Petersburg, Rech', 2000. 408 p. (In Russian)
15. Gaivoronskaya A.A. Involvement in the activities of extremist and terrorist organizations: Definition and classification. *Vestnik Natsional'nogo Antiterroristicheskogo Komiteta*, 2022, no. 1, pp. 34–37. (In Russian)
16. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. *Teoreticheskie i metodicheskie osnovy sudebnoi psikhologo-lingvisticheskoi ekspertizy tekstov po delam, svyazannym s protivodeistviem ekstremizmu* [Theoretical and Methodological Foundations of Forensic Psychological and Linguistic Examination of Texts in Cases Related to Countering Extremism]. Moscow, EKOM Publ., 2011. 326 p. (In Russian)
17. Galyashina E.I. *Lingvistika vs ekstremizma: V pomoshch' sud'yam, sledovatelyam, ekspertam* [Linguistics vs Extremism: For the Assistance of Judges, Investigators, and Experts]. Moscow, Yuridicheskii Mir, 2006. 96 p. (In Russian)
18. Brinker K. *Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. Berlin, Erich Schmidt Verlag, 1992. 160 S. (In German)

⟨ **Для цитирования:** Палеха Е.С. Радикализованный дискурс: понятие, структура, особенности // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2022. – Т. 164, кн. 5. – С. 59–73. – doi: 10.26907/2541-7738.2022.5.59-73. ⟩

⟨ **For citation:** Palekha E.S. Radicalized discourse: Definition, structure, and features. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 5, pp. 59–73. doi: 10.26907/2541-7738.2022.5.59-73. (In Russian) ⟩